

РЕЦЕНЗИИ

Н.Б. Вахтин. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001. 338 с.

Известный петербургский исследователь эскимосского языка и социолингвист Николай Борисович Вахтин выпустил обобщающую книгу по проблеме функционирования и развития так называемых языков народов Севера в XX веке (фактически с 20-х гг. XX в. до современности). Появление такой книги следует признать очень своевременным, поскольку при довольно большом количестве публикаций частного характера у нас до сих пор не было работы обобщающего характера на эту тему. Автор основывается как на имеющихся научных публикациях и данных переписей, так и на собственном опыте экспедиций 70–90-х гг. на Чукотку, Камчатку и в Восточную Якутию.

Книга состоит из двух частей, которые озаглавлены "Материал" и "Анализ и интерпретация". Фактически анализ и интерпретация производятся в обеих частях книги, однако в первой части речь идет исключительно о российских языках народов Севера (НС) (термин явно неудачный: относимые к этой категории удэгейцы живут много южнее белорусов, которых никто к народам Севера не относит; однако никто так пока не предположил взамен ничего другого, а содержание этого термина больших споров не вызывает), а во второй части ситуация в России сопоставляется с аналогичными ситуациями в других странах и выводятся некоторые общие закономерности процессов языкового сдвига, то есть вытеснения одного языка другим.

Безусловно, ситуация с данными языками в XX веке оказалась особенно неблагоприятной. Их носители занимались охотой, собирательством, оленеводством, а общественные отношения у этих народов находились в рамках того, что недавно принято было обозначать немодным теперь, но ничем не замененным термином "первобытно-общинный строй". Если до XX в. народы Севера в основном могли жить так же, как раньше, то в XX в. на значительную часть территорий их проживания пришла современная промыш-

ленность и культура, им пришлось активно контактировать с русскими и другими ранее там не жившими народами. Безусловно, эти народы оказались в ситуации "культурного шока", а существование их традиционных культур и их языков оказалось под угрозой. И дело тут было не в особенностях советского строя, как иногда считают. Советская национально-языковая политика 20–30-х гг., по инерции иногда сохранявшаяся и позже, скорее, наоборот, замедлила процесс языкового сдвига. Н.Б. Вахтин справедливо подчеркивает, что очень похожие процессы шли в XX в. и в США, и в Австралии; сходство иногда оказывалось большим вплоть до деталей, например, столь способствовавшее утрате владения языками насильственное помещение детей у нас в 50–60-е гг. в школы-интернаты имело место примерно в те же годы и на Аляске, и в отношении австралийских аборигенов (с. 230–231). Сознательная политика государства может ускорить или замедлить данный процесс, но обусловлен он в первую очередь другими факторами; здесь мы также согласны с выводами Н.Б. Вахтина (с. 227 и др.).

В первой части книги Н.Б. Вахтин подробно анализирует статистический материал по языкам народов Севера, прежде всего по данным переписей с 1926 по 1989 гг. Он справедливо подчеркивает неполноту и ненадежность многих их данных (в разных переписях в разной степени), однако исследователь не может прибегнуть ни к чему другому (добавим к этому, что советские переписи все-таки давали значительный фактический материал, а в большинстве западных стран сейчас господствует "политкорректность", и потому вопросы о языках вообще в переписях не фигурируют).

Анализ переписей безусловно свидетельствует о том, что за исследуемый период для всех народов Севера увеличивалась степень владения русским языком и падало владение исконным языком своего этноса. Если в 1926 г. 0% чукчей и 2% мансеев знали русский

язык, то в 1989 г. более четверти чукчей и более 60% мансеев вообще не владели своим языком. Конечно, языковой сдвиг происходил у разных народов неравномерно, а для некоторых языков помимо русского их вытесняли и другие, прежде всего якутский, но общее направление все время было одним и тем же, хотя Н.Б. Вахтин справедливо называет данный процесс "сложным, нелинейным" (с. 82). При этом специалисты отмечают, "что реальное владение языками НС (народов Севера – В.А.) ниже, чем процент называющих эти языки родными" (с. 87).

Данные переписей автор книги дополняет и корректирует материалами лингвистов и этнографов, особенно собравшей в 60–70-е гг. большой материал группы В.А. Аврорина, и собственными исследованиями. Общий вывод, однако, оказывается тем же самым. Собственные материалы Н.Б. Вахтина и его сотрудников были в основном собраны в 80-е гг. в 13 населенных пунктах Дальнего Востока и Восточной Сибири, где жили чукчи, коряки, эскимосы, эвены, юкагиры, нивхи, ительмены, алеуты, удэгейцы, ненцы. В каждом пункте обследовались либо все жители, либо статистически надежная их группа. На основе их опроса составлялась "лингвистическая биография" каждого из них. В результате выяснилось, что лишь в одном пункте – ненецком поселке Носок – присутствует ситуация устойчивого двуязычия (ненецко-русского), во всех других зафиксирован языковой сдвиг с разной степенью продвинутоści (от языка своего этноса к русскому или якутскому).

В последней главе первой части Н.Б. Вахтин рассматривает современную ситуацию, уже не отраженную в переписях, обобщая собственные исследования на Чукотке и частично в Якутии и материал публикаций других авторов. Он отмечает, что "в конце 80-х годов, и особенно после распада СССР, наметилась тенденция к росту престижности титульных языков и соответственно к росту "языковой лояльности" НС по отношению к своим титульным языкам" (с. 187). Однако здесь же автор констатирует, что общая картина перехода "с титульных языков на русский (или якутский)", зафиксированная еще в советский период, в целом не изменилась.

Общее заключение первой части книги в отношении динамики ситуации с языками народов Севера: "от одноязычного состояния в начале века, через зарождающееся в 1930-е – 1940-е годы двуязычное состояние, развитие которого было резко оборвано в середине 1950-х годов, и далее к практически одноязычному состоянию, но уже на новом

языке – в конце века. Динамика выглядит как процесс массового перехода НС с титульных языков на русский, минуя (для большинства НС) стадию двуязычия" (с. 191). С такой характеристикой кое в чем можно поспорить. Смена языка не может все-таки происходить совсем без промежуточной стадии двуязычия; несомненно, была она (или существует сейчас) и для языков НС; другое дело – то, что иногда она проходила очень быстро, в течение одного-двух поколений. Кроме того, материал самого Н.Б. Вахтина не показывает, что большинство народов Севера уже дошли до одноязычного состояния на русском или якутском языке. По его собственной классификации, 13 из рассмотренных 24 языков отнесены к группам 1–3, характеризующимся двуязычием для всех или для значительной части населения, а еще для 6 языков (группа 4) двуязычие сохраняется в старшем поколении.

Во второй части книги делается попытка ответить на вопросы: как и почему происходит исчезновение языков? Н.Б. Вахтин изучает обширную литературу по данному вопросу и приходит к выводу о том, что многое здесь по-прежнему непонятно. Вот, например, вполне обоснованное его замечание: "Экономические факторы вполне могут объяснить, почему люди выучивают новый язык, то есть почему люди становятся двуязычными, однако привлечь экономические факторы для объяснения того, почему люди *перестают* говорить на языке, оказывается сложнее" (с. 216). В самом деле, в ситуации, в которой оказались наши народы Севера, индейцы и эскимосы США и Канады, аборигены Австралии, овладение русским или английским языком, по-видимому, неизбежно, но выбор между двуязычием и одноязычием на новом языке все равно остается, а данные Н.Б. Вахтина показывают, что нет прямой связи между степенью хозяйственного освоения той или иной территории и степенью утраты исконного языка этой территории. Еще один пример – полная неясность вопроса о том, влияют ли телевидение и радио на функционирование тех или иных языков и диалектов: одни ученые считают это влияние значительным, другие считают такую точку зрения "чистой фантазией" (с. 202).

Н.Б. Вахтин перечисляет (с. 223–229) факторы, влияющие на языковой сдвиг: число носителей, языковое окружение, тип хозяйственной деятельности, воспроизводство языка (сохранение/несохранение нормального способа передачи языка детям), межнациональные браки, языковая политика государства, наличие/отсутствие письменности (конечно, не все эти факторы взаимо-

независимы). При этом оказывается, что каждый из факторов может быть значим, но влияние их может быть разным и вряд ли можно установить какую-то их иерархию. Сам Н.Б. Вахтин добавляет к этому уже достаточно известному перечню факторов еще некоторые, в том числе "мотивацию ожидания окружающих", но в целом пока вопрос о причинах сохранения или несохранения того или иного языка в неблагоприятных для него условиях явно изучен плохо, и пока нет возможностей для надежного прогнозирования языковых ситуаций. Многие исследователи, включая и автора данной книги, приводят и приводят массу примеров прогнозов, оказывающихся ошибочными. При этом любопытно, что чаще не сбываются прогнозы о скором полном исчезновении того или иного языка.

В связи с этим Н.Б. Вахтин подробно рассматривает один фактор, который, по его мнению, часто приводит к такого рода ошибкам. Этот раздел книги – один из наиболее интересных, но в то же время и спорных. Автор пишет: «Часто бывает, что информанты среднего поколения утверждают, что "забыли язык"; но через несколько лет, когда эти люди оказываются старшим поколением, выясняется, что они вполне способны объясняться на данном языке. Возникает впечатление, что в какой-то момент у старшего поколения на фоне общего для данного языкового коллектива появляется своеобразная "регрессия", возврат к коммуникации на родном языке, который они, казалось бы, давно забыли» (с. 277). В другом месте говорится о навязчивом "мотиве бабушки", обучающей языку в обход родителей, повторяющемся у многих информантов (с. 284), то есть одни и те же женщины не передают исконный язык детям, но передают внукам.

Безусловно, такие факты заслуживают внимания, хотя трудно сказать, насколько они являются общезначимыми. В книге подчеркиваются и другие механизмы сохранения языка, казалось бы, в самых неблагоприятных условиях. Известно, что помимо коммуникативной функции языка существует символическая (иногда говорят о соответственно инструментальной и сентиментальной функциях), например, случай с ирландским языком, почти не используемым в коммуникации (там господствует английский), но сохраняющим роль национального символа. Показано, что подобные ситуации возможны и у народов Севера.

Особо отмечено в книге, что в последние десятилетия наметился «отход от безусловного принятия новой советской системы цен-

ностей и пробуждение интереса к "своим корням"» (с. 257), что проявилось и в отношении к языку: "пейоративный оттенок принадлежности к НС (а следовательно, и низкий статус языков НС) повсеместно отходит в прошлое как в сознании их носителей, так и в какой-то мере в сознании их социально и экономически доминирующего окружения" (с. 293).

На основе всех этих факторов, особенно последнего, автор в конце второй части приходит к выводам, несколько отличным от того, что сказано в конце первой: языки народов Севера становятся престижными, они «будут поддерживаться общностью, считаться "нашими родными языками" и выполнять свою основную функцию – поддержку этничности, маркирование выделенности группы из других» (с. 294).

Однако думается, что картина, нарисованная в первой части, более соответствует реальности, чем прогнозы в конце второй. Хотя действительно вакуум, образовавшийся после официального отказа от коммунистической идеологии, начал заполняться у многих национальными идеями, но у народов Севера вряд ли идет слишком активно (что видно при сопоставлении ситуации у этих народов и географически близких, но социально отличных якутов и тувинцев). Данные 90-х гг. не позволяют считать, что процесс, шедший весь XX в. в одном направлении, уже пошел вспять. И трудно предположить, что после 2000 г. картина должна столь радикально изменяться.

Это, конечно, не значит, что большинство языков народов Севера обречены на скорое исчезновение; некоторые компенсаторные механизмы, в том числе описанные Н.Б. Вахтиным, безусловно, существуют. Отметим все-таки, что за советскую эпоху отмечают лишь один полностью исчезнувший язык народов Севера – камасинский, а в классификации Н.Б. Вахтина накануне исчезновения находится еще три языка – алеутский, ительменский и керекский (группа 6). Число исчезнувших за это время языков коренного населения в США, Канаде и Австралии намного больше. А в Японии существовал всего один язык, сходный с языками народов Севера – айнский. И он менее чем за столетие прошел все стадии языкового сдвига – от полного одноязычия на нем всех носителей до полной утраты (сейчас его пытаются возродить).

Но встает еще один вопрос, отчасти затрагиваемый в конце книги: как оценивать процессы языкового сдвига, нужно ли сохранять исчезающие языки. Н.Б. Вахтин

специально не обсуждает известные концепции лингвистической экологии, в соответствии с которыми существование каждого языка – самодовлеющая ценность, а задаче сохранения исчезающих языков должны быть подчинены все другие. В целом он явно не следует подобным идеям и в основном занимает вполне трезвую позицию. Однако иногда у него видна излишняя оценочность, например, в описании процесса массового промышленного освоения районов Северной Сибири в 50–60-е гг. (с. 240–242). Конечно, пришлое русское население часто не считалось с местными культурами и языками, относилось к ним пренебрежительно, но вряд ли все эти совершенно естественные экономические и культурные процессы имели только отрицательную сторону.

В итоге Н.Б. Вахтин, используя идеи Н. Трубецкого, приходит к выводу: "неминуемое сохранение (воссоздание) отличий в области языка и культуры – это тот императив, сломать который не способно даже самое варварское давление на языки и культуры народов" (с. 313). Такое заключение на нынешнем уровне развития науки нельзя ни доказать, ни опровергнуть. В истории языков мы имеем много примеров и за, и против него. И в любом случае, конечно, надо учитывать мнение самого народа, которому часто приходится выбирать между сохранением традиционных условий жизни вместе с сохранением прежнего языка и переходом к иной культуре с неизбежной языковой ассимиляцией.

В книге есть и немало других пунктов, с которыми хочется спорить. В целом автор старается объективно оценивать советский период нашей истории, указывая на значительные сходства между ситуациями в СССР и других, в том числе западных странах и весьма негативно оценивая "яростный политический пафос" работ типа подготовленной в Эстонии в 1992 г. "Красной книги языков Российской империи" (с. 51). Он справедливо высоко оценивает деятельность «энтузиастов, захваченных идеей благородной миссии "нести культуру отсталым народам", работавших на Севере в 20–30-е гг.» (с. 238) и в целом положительно характеризует советскую языковую политику тех лет, для народов Севера в основном сохранявшуюся до 50-х гг.; столь же справедливо осуждается и политика "хрущевского" периода, когда детей принудительно отправляли в интернаты, где запрещалось говорить на родных языках. Однако где-то создается "образ врага", не соответствующий действительности. Вот пример: "В реальности рост уровня жизни влечет за собой, как мы знаем сегодня, падение рождаемости. Эта идея была совет-

ской идеологии абсолютно чужда: если с ростом уровня жизни люди начинают меньше рожать детей, это означает, что они начинают жить для себя, а не для будущего" (с. 44). Но если в 20–30-е гг. еще могли думать, что в социалистическом обществе демографические процессы должны идти не так, как в остальном мире, то в 60–80-е гг. в советской демографии признание падения рождаемости при росте жизненного уровня уже было общим местом и совмещать этот несомненный факт с советской идеологией вполне умели.

Еще в большей степени такие перекосы свойственны оценкам советской лингвистики в книге. Действительно, советская социолингвистика 60–80-х гг. часто исходила из априорных посылок, иногда противоречивших приводимым здесь же фактам, а в 40–50-е гг. социолингвистики у нас почти не существовало; вполне справедливо и выделение работ В.А. Аврорина и его школы, резко выделявшихся на общем уровне. Однако мы никак не можем согласиться с фразой о том, что в 50-е гг. "о языкознании и тем более о социолингвистике в СССР... говорить трудно" (с. 11); это здесь же иллюстрируется примером: «Сплошной просмотр журнала "Вопросы языкознания" за 1954–1959 годы производит тягостное впечатление». Если это во многом верно относительно социолингвистики, то интересных и серьезных работ по языкознанию у нас и в начале, и в конце 50-х гг. было немало, а уровень публикаций "Вопросов языкознания" за указанные годы мы оцениваем совсем иначе, см. нашу статью в № 1 ВЯ за 2002 г. Автор явно переоценивает упоминаемый им "страшный разгром языкознания в начале 1950-х годов". Последствия выступления И.В. Сталина по вопросам языкознания были и негативными, среди которых была и невозможность заниматься рядом проблем социолингвистики, но многие области науки о языке в это время, наоборот, получили возможность развития. Кстати, ниже вполне положительно оценивается деятельность В.А. Аврорина, бывшая активной (правда, не в области социолингвистики) и в 40–50-е гг.

Среди более частных замечаний укажем на спорность утверждения о том, что многолетняя политика "плавленного котла" в США оказалась неэффективной (с. 227). Утрата американцами разного происхождения родных языков и приобретение ими общего английского языка и общей культуры слишком известны. Отказ же от этой политики в последнее время далеко не полон, а на уровне официальных деклараций он значительнее, чем в реальной практике.

Есть и отдельные фактические неточности. На стр. 24 сказано, что особая статья о малых народностях Севера появилась лишь в 3-м издании БСЭ в 70-е гг., но уже в первом издании энциклопедии (т. 41, 1939) есть довольно большая статья "Народы Севера". Элиас Лённрот на стр. 199 назван "шведским путешественником", но хотя он и писал часть сочинений по-шведски, но был финном, осно-

вателем современной финской литературы и изучения финской культуры.

В целом книга Н.Б. Вахтина, не бесспорная в ряде пунктов, несомненно содержит много важной информации о языках народов Севера и вносит вклад в исследование процессов языкового сдвига.

В.М. Алпатов